

**КОНЕЦ УПРАВЛЕНИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ «ПУСТОТОЙ» ИЛИ
О КРИЗИСЕ ГЛОБАЛЬНОГО СОЦИАЛЬНОГО УНИВЕРСАЛИЗМА**

ЕВСТАФЬЕВ Дмитрий Геннадиевич, кандидат политических наук, профессор институт медиа факультета креативных индустрий НИУ ВШЭ, адрес: Москва, 109028, Покровский бульвар, д. 11.; профессор кафедры теории права и государства, Российского университета дружбы народов (РУДН), e-mail: devstafiev@hse.ru AuthorID: 82228

Аннотация Цель статьи – оценить эффект социальной деструкции в отношении ключевых социальных процессов и институтов. Рассмотреть перспективы структурного обрушения всей системы постиндустриального постмодерна.

Методология. Основным методом исследования является метод прогностической кластеризации через выявление общих признаков социальной контекстности для социальных процессов. Данный метод позволяет выделить особенности современных глобальных трансформаций, которые определяются сочетанием следующих элементов. Во-первых, критическим изменением архитектуры глобальных политических и экономических отношений. Во-вторых, кризисом модели экономического развития, построенной на доминировании финансового капитализма. В-третьих, медленным, но последовательным разрушением универсалистской модели социального развития, включая и ее социокультурную составляющую.

Последнее началось с попыток обозначить контуры постчеловеческого мира в рамках «Давосского консенсуса», где, с одной стороны, начала широко обсуждаться перспектива нейрофикации человека и алгоритмизация его социального поведения, а с другой стороны, родилась концепция прекариата. Эта концепция подразумевает люмпенизацию значительных слоев населения стран постиндустриального постмодерна, в том числе через социально-политическую легализацию прекарности как «новой социальной нормальности».

Результаты: выявление основных «точек разрыва» в базовых социальных и социально-политических институтах, свойственных пространству постиндустриального постмодерна. Констатация высокой вероятности кризиса всей системы социального универсализма постиндустриального постмодерна, а значит, кризиса западно-центричной глобализации как модели развития.

Ключевые слова: постиндустриальный мир, социокультурный постмодерн, социальная атомизация, разрушение глобальной социальной универсальности, партийная демократия, «управление пустотой», Питер Майр.

Цит.: Евстафьев Д.Г. Конец управления постиндустриальной «пустотой» или О кризисе глобального социального универсализма // Среднерусский вестник общественных наук. – 2023. – Том 18. – № 3. – С. 15–32.

**THE END OF THE POST-INDUSTRIAL "VACUUM" MANAGEMENT OR
ABOUT THE CRISIS OF GLOBAL SOCIAL UNIVERSALISM**

EVSTAFYEV D.G., Candidate of Political Sciences, Professor of the Institute of Media, Faculty of Creative Industries, HSE University, Professor of the Department of Theory of Law and State of the Peoples' Friendship University of Russia (Russian Federation, Moscow); e-mail: devstafiev@hse.ru

Abstract. The purpose of the article is to assess the effect of social destruction on key social processes and institutions and to consider the prospects for the structural collapse of the entire system of post-industrial postmodernity.

Methodology. The main research method is the method of predictive clustering through the identification of common signs of social context for social processes. This method allows you to highlight the features of modern global transformations, which are determined by a combination of the following elements. Firstly, a critical change in the architecture of global political and economic relations. Secondly, the crisis of the economic development model built on the dominance of financial capitalism. Thirdly, the slow but consistent destruction of the universalist model of social development, including its sociocultural component. The latter began with attempts to delineate the contours of the post-human world within the framework of the "Davos Consensus". Where, on the one hand, the prospect of human neurofication and the algorithmization of their social behavior began to be widely discussed, and on the other hand, the concept of the precariat was born. This concept implies the lumpenization of significant sections of the population of post-industrial postmodern countries including through the socio-political legalization of precarity as a "new social normality". **Results:** identification of the main "breaking points" in the basic social and socio-political institutions characteristic of the space of post-industrial postmodernity. There is a statement of the high probability of a crisis of the entire system of social universalism of post-industrial postmodernity, and therefore a crisis of Western-centric globalization as a model of development.

Keywords: post-industrial world, sociocultural postmodern, social atomization, destruction of global social universality, party democracy, "vacuum management", Peter Mair.

For citations: *Evstafyev, D.G. (2023) The end of the post-industrial "vacuum" management or about the crisis of global social universalism // Central Russian Journal of Social Sciences. –Volume 18, Issue 3 P.15-32.*

ВВЕДЕНИЕ

Кризис эпохи американоцентричной глобализации, вероятно, прошел во второй половине 2022 года точку невозврата, обозначив формирование двух глобальных коалиций – «коалиции демократии» и «коалиции здравого смысла» – на основе принципов BRICS и организационных структур ШОС. Глобальные геополитические изменения очевидны всем, но едва ли они описывают в полной мере глубину трансформаций, которые будет испытывать современный мир [1].

Идеологи глобального мира признавали возникновение некоей социальной пустоты, которую уже невозможно удерживать за счет различных институтов представительной демократии от выборного процесса для механизмов гражданского общества. Но насколько постиндустриальный постмодерн способен оставаться базой для дальнейшего развития? В данной (первой в серии задуманных) статье рассматривается проблематика, связанная с социально-политическими «побочными» последствиями кризиса системы глобального постиндустриального постмодерна.

Образ «управления пустотой», вынесенный в заглавие, заимствован у крупного европейского политолога и социолога Питера Майра в книге «Управляя пустотой». Размывание западной демократии» [12]. Майр обсуждает проблему выхолащивания принципов управления через демократические институты за счет исчезновения массового участия. Это привело к деградации принципа представительства социально-экономических интересов через партийную демократию¹.

В центре дальнейшего глобального развития лежит не конструирование новой архитектуры международных отношений, основанной на новой экономической географии, отражающей возврат к пространственности и обострение конкуренции за ресурсы [8]. Центральная проблема постглобального мира – **люди, которые его будут строить** и наполнять новые модели социального развития практическим содержанием, формируя новые приоритеты человеческого развития. **Проблема адекватного своему времени «политического человека» опять выходит на первый план.** Но это означает и необходимость по-новому взглянуть на социальную среду, из которой подобный человек может произрасти.

¹ Деградация принципа представительства интересов через партийную демократию имеет прямое отношение к экономической стороне вопроса хотя бы потому, что главный принцип партийной политики модерна – структурирование партийно-политического пространства в рамках экономических интересов. А это требует большой степени вовлеченности не только в публичную политику, но и в экономику, социально-экономические процессы, а также артикулированное отношение индивидов и групп к собственности. Что размывало базовые принципы постиндустриального постмодерна, например, - флюидную социальность.

На Западе, напротив, кризис социальности постиндустриального постмодерна был замечен еще в первой половине 2010-х годов, породив ряд весьма любопытных концептов, начиная с простейшего – прекариата, основанного на поступательном сокращении пространства «общественного договора» [17], и заканчивая существенно более серьезными концепциями нейрофикации человека – создания рядом с человечеством социально конкурирующего техно-биологического вида [26]. Это породило бы некую конкуренцию, подобную конкуренции «нео-неандертальцев» и «нео-кроманьонцев» в условиях остановки расширения человечества за пределы пространства Земли.

Наиболее выраженными элементами дискурса, помимо общей для большинства исследователей констатации невозможности поддерживать целостность глобальной системы постиндустриального капитализма, были четыре аспекта:

– Кризис экономико-географического базиса глобализации: постепенная утрата крупнейшими городами (мегаполисами) статуса «центров силы» глобального мира, редуцирование их функции до статуса «лидеров потребления». Глобализация, «конструкционно» предполагавшая диффузию «вертикали власти», начала лишаться одного из наиболее значимых ее источников¹. В основе этого процесса, изначально глубоко социально деструктивного, лежала концепция постиндустриализма, основанная на идее структурирования «социально-экономически освоенного мира» не вокруг центров производства или даже, как утверждалось его идеологами, центров технологического лидерства, а вокруг центров потребления, коим и становился в постбиполярном мире пресловутый «коллективный Запад» в период зрелой глобализации. Отсюда и формирование близкой к сетевой структуры управления миром через систему «глобальных городов» [15], где и концентрировался «золотой миллиард». Но именно «глобальные города» – центры глобализированных финансов – оказались крайне уязвимыми в период торможения глобализации.

– Кризис процесса преодоления идентичностей, превратившихся в значимый политический фактор. Это констатировал Ф. Фукуяма в своей

¹ Феномен мегаполисов как источников власти в постглобальном мире достоин особенного рассмотрения. Это пример, когда власть социальная, дополняясь властью информационной, подменяет собой власть политическую. В рамках мейнстрима глобального социально-политологического дискурса этот процесс рассматривался как вполне линейный [18]. Линейность вообще была свойственна либерально-глобалистскому дискурсу, пытавшемуся позиционировать себя как проявление классического «прогрессизма», хотя, безусловно, он таковым не был и быть не мог, поскольку подменял рациональность знания «верой» в священный характер сперва концептов, а затем отдельных слов-символов, создавая устойчивый эффект дерационализации не только социальности, но и экономики.

торопливо написанной, но симптоматичной книге «Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия» [23]. В перспективе социально-экономически проявленные идентичности могли использоваться как инструмент для конструирования больших пространственных систем на социально-геоэкономической основе, что отрицало все основные принципы поздней глобализации. Любопытно, что именно такой подход практически в момент написания Фукуямой книги начал апробировать в своей геоэкономической стратегии лидер Турции Р.Т. Эрдоган. К концу 2010-х годов фактор идентичностей стал всё больше и больше определять характер развития потребления, способствуя его деуниверсализации, причем не только по классическому этно-религиозному принципу, что существовало всегда, но и по вновь сформированным деноминациям. Это существенно меняло структуру стимулов экономического роста в мире первичности потребления, определявшего через проникновение в повседневную жизнь человека и на индивидуальном уровне, и на уровне «больших групп» уже не только модель потребления как таковую, но и социальное поведение [10].

– Кризис кредитного потребления как драйвера экономического развития толкал к необходимости встраивания в систему глобализации тех или иных элементов идеологического управления, позиционирующих постмодерн в качестве единственной социокультурной «нормы» для интеграции и последующего нахождения в социокультурном мейнстриме. «Постмодерн» из концепта отсутствия рамок в социальном поведении (включая и максимизацию вариативности потребления) начал превращаться в инструмент навязывания одновременно нескольких идеологических парадигм, непосредственно отражающихся и на поведении, и на потреблении. Часть из них носила протототалитарный характер, что неизбежно, учитывая необходимость компенсировать нарастающую социальную неустроенность.

– Чрезмерная фокусировка развития глобализации на виртуальном, фиктивном мире, законы развития которого были далеко не до конца поняты. «Соучастие» в информационном обществе, неограниченная коммуникационная мобильность, предлагавшаяся для «людей глобального мира» в качестве главного социального идентификатора [20], имели свои положительные результаты. В частности, возможность быстрого преодоления пространственности, считавшейся тормозом в развитии глобализации. Но они создавали и эффект социальной хаотизации, существенно усложняя социальное управление. Это приводило к политически непредсказуемым последствиям. Одним из них была, вероятно, неожиданная победа Д. Трампа на выборах в США в 2016 году. Но обрат-

ная сторона социальной мобильности, дополненной мобильностью коммуникационной, создававшей своего рода феномен социокоммуникационной гибридности, вполне рационально оценивался в западном научном дискурсе [6].

Но если поздняя глобализация породила социально-экономическую и социально-политическую «пустоту», мир институциональной и политической имитации, то можно ли эту «пустоту» просто «похоронить», демонтировав те формы, в которые она была облечена? Но еще более важным становится то, что возникнет вместо нее. Такая постановка проблемы представляется странной: большая часть мира была частью позднеглобального общества, а значит, частью как минимум социальной «пустоты». **Мы приходим к важнейшей проблеме, далеко выходящей за рамки нынешней статьи, – распаду целостности «больших систем», после которого они становятся «пустотой»,** сохраняя лишь форму, в которой помещено разнородное и часто противоречивое содержание [3]. Процесс имеет накопительный характер, и точка утраты целостности не всегда видна тем, кто находится внутри процесса.

Главная структурная проблема современного глобального развития сводится к «матрешке» из трех вопросов:

– Будет ли глобальный системный кризис только кризисом политической и геоэкономической архитектуры мира или же будет перенесен в область социальных трансформаций, то есть общественных отношений, охватывая сотни миллионов людей т. н. развитого мира? Иными словами, **будет ли это только «кризис формы» или это будет комплексный кризис «большой системы»,** которую мы именовали «мир глобализации»?

– Сохранится ли в случае развития глобального кризиса по «большому сценарию» (системный кризис с обрушением всей экономической инфраструктуры в развитых странах) пресловутый «единый мир», хотя бы и в формате, сформулированном крупнейшим западным экономистом М. Спенсом: мир экономического развития не просто разных скоростей экономического развития, но и различных основ экономического роста [16]?

– И если произойдет распад «единого мира», то что будет с людьми, которые в нем «жили», в социальном и социокультурном смысле и с теми социальными системами, которые были созданы в процессе формирования постпространственного мира? Могут ли они, становясь могильщиками глобализации (если признать, что причиной кризиса глобализации в формате постиндустриального постмодерна был кризис социальных его основ), стать строителями нового мира?

Диалектика многослойности современного капитализма

Одним из центральных вопросов в оценке сегодняшних процессов и перспектив трансформации постиндустриального постмодерна является то, насколько мы в принципе можем оценивать и эту систему, в целом эпоху поздней глобализации, только используя экономические и социально-экономические подходы и соответствующую методологию.

Постиндустриализм как попытка переформатирования капитализма был экономической моделью, в основе которой лежала идея каскадирования промышленности и индустриального освоения оставшихся к началу 1970-х годов неосвоенных пространств [7]. Это и предопределяло необходимость борьбы за глобальное доминирование со стороны Запада в противостоянии с «миром социализма». Но в постиндустриализме изначально был заложен значительный, во всяком случае, значительно больший, нежели в индустриальном модерне, элемент социальности, хотя бы потому, что в основе каскадирования промышленности лежала и идея догоняющего социального развития с опорой на опережающее стандартизированное потребление. Постмодерн со временем наложился на постиндустриализм, привнес в него значительный элемент символизма в рамках доминировавших в тот момент на Западе концептов социальности¹.

Первыми символическими «точками опоры» для постиндустриализма были «технологии», имевшие вполне понятный визуальный образ – компьютеры, роботизированные безлюдные линии, биотехнологические лаборатории и т. п. Эти образы были во многом визуализированной антитезой индустриальному модерну, приведшему человечество к его высшим технологическим достижениям – освоению энергии атома и рывку в космическое пространство. Затем символизация коснулась политических (партии, выборы) и социальных институтов. В период зрелой глобализации символизация начала захватывать сферу потребления. Ползучая символизация постиндустриального постмодерна отражала процессы кризиса экономической его составляющей. Символизация политики [14], естественная в парадигме постмодерна, постепенно

¹ В определенной мере можно говорить, что постмодерн был «европейским» вкладом в постиндустриализм, существенно его изменившим, заложив основы для последующего перерастания его из социально-экономической в идеологическую систему. Это, вероятно, связано с реакцией европейских верхов на социальную нестабильность конца 1960-х – начала 1970-х годов. Но в данном случае дело заключается не только в «символизации» социального пространства, заполнении его символическими суррогатами реального политического смысла, «знаками» утраченного содержания, но в выхолащивании экономической составляющей, о чем в середине 1970-х годов писал французский социальный философ Жан Бодрийар, говоря о конце производства как системообразующем процессе актуального на тот момент капитализма [5, с. 95–97]..

привела к символизации экономики, которую до известной степени замедлила пандемия коронавируса.

Вообще **символизация экономического развития**, постепенно перераставшая в фетишизацию отдельных технологических (условный «айфон») или социальных достижений («кредитный средний класс», «яппи-интернационал»), позиционировавшимися в качестве центральных достижений глобализации, была одним из важнейших «встроенных» свойств постиндустриального постмодерна, начавшего приобретать по мере затухания потенциала экономического развития социально застойные, а в чем-то и подчеркнута деградантские формы.

Обозначим пять главных тенденций поздней глобализации, с одной стороны, демонстрировавших невозможность оценки глобальных процессов с точки зрения только экономической и/или политической методологии, а с другой – подчеркивавших постепенное выхолащивание социально-экономической составляющей из современного нам постиндустриализма.

Первое. Редуцирование, а по сути, переход к имитации социальной вовлеченности через стимулирование вовлеченности в информационное пространство при выхолащивании социальной жизни. Доминирующей социальной моделью для развитых обществ в период поздней глобализации была концепция финансового и социоинформационного соучастия. Человек, претендующий на то, чтобы быть социально вовлеченным, должен был, образно говоря, «лайкать» и «донатить». От условно «социально-вовлеченного» индивида¹ совершенно не требовалось какое-то практическое соучастие в социальной и политической жизни, за исключением выборного процесса, в рамках которого коммуникационное действие постепенно также заменяло действие социальное (дистанционное голосование). В целом это вполне лежало в русле развития **по модели «необременительного потребительства»** и отражало процессы социальной атомизации, не просто не считавшиеся опасными, но желательными.

Из данного фактора социальных трансформаций произрастал вполне очевидный социально-политический нюанс.

¹ Крайне интересна замена немецким мейнстримным социальным философом Ю.Хабермасом концепта «гражданства» как основы демократии на «солидарность» [24, с. 206–208]. Характерно, что данная идея апробировалась еще до эпохи господства сетевизированных интегрированных коммуникаций и виртуализации социального пространства. Книга Ю.Хабермаса была впервые издана в 1996 году, а концепция «коммуникативного действия» сформулирована им в первоначальном виде в 1983 г. Подходы Ю.Хабермаса отражали реальность середины и второй половины 1980-х – начала 1990-х годов, когда постиндустриализм находился на этапе и экономического, и социального подъема. Но технологии, релевантные этой социальной реальности, появились только к середине 2000-х.

В социально-атомизированном мире узкая, спаянная на той или иной основе (политической или, что скорее, этно-религиозной) группа имеет все возможности для монополизации политической власти, что и произошло в мире «коллективного Запада», где относительно небольшие и гарантированно не представляющие значимые социальные группы кланы «глобалистов-финансистов» и «цифровиков» приватизировали власть в США. Так же происходит в ряде стран Востока, прежде всего Среднего (Афганистан, Пакистан). Упрощая: социальная атомизация начала производить политическую хаотизацию.

Второе. Выхолащивание социально-политических институтов на страновом и наднациональном уровне в пространствах, вовлеченных в глобальный мир как некий финальный штрих политики символизации. В западном политологическом дискурсе прямо признавалось, что произошла приватизация форм демократических институтов людьми, совершенно не склонными к либерально-глобалистскому поведению [11]. В западном политологическом дискурсе остается неосознанным тот факт, что подобные процессы наполнения формы «незапланированным» содержанием являются естественным результатом символизации глобализации. Представительная демократия превратилась из процедуры (инструментом она перестала быть еще в начале XX века: опыт России 1905–1922 годов испугал весь капиталистически мир) в ритуал, смысл которого был в подтверждении права тех или иных элитных групп на управление страной, в ритуал, не имевший прямого отношения к управлению государством.

И это тоже порождало важный социально-политический нюанс.

Самозванчество элиты на практическом политическом (операционном) уровне отражало фиктивизацию выборного процесса[13], но в более глубинном смысле являлось результатом отрыва политических элит от общества и капсулизации правящих кланов, заинтересованных в «стабильности», то есть в стагнации сложившейся системы отношений (виртуализация общественной жизни, сохранение доминирования личных отношений в элиты и разрыв между «владельцами» и «управляющими» не только в экономике, но и в политике). Элиты перестали представлять актуальные социально-экономические и тем более социально-политические интересы.

С точки зрения устройства политических систем мы столкнулись с противоречием: с одной стороны, сравнительно частая ротация менеджеров больших систем (на фоне операционного уравнивания государств, корпораций, социальных сетевых систем и т. п.), не позволяющая сформировать устойчивые элитные коалиции. С другой – становя-

щаяся очевидной геронтократизация «владельцев», то есть финансовой аристократии, что сокращает рационально устанавливаемый «горизонт планирования».

Третье. Постепенное внедрение административно обусловленных ограничений гражданских свобод и переформатирование потребления под различными лозунгами, что в совокупности означало изменение модели социального поведения. В последние полтора десятка лет мы наблюдали внеэкономическое ограничение пространства социального развития без отказа от внешних проявлений «демократии». Ритуализация социального поведения (ЗОЖ и т. п.), переросшая в ритуализацию потребления (веганство, движение за справедливую цену и т. п.). В фазе поздней глобализации уже начинались процессы ритуализации экономического поведения (например, «квотный» прием на работу). Объем неэкономического в экономике рос очень быстрыми темпами.

Но и в этом случае появился предсказуемый нюанс, проявивший себя в социально-политической области.

Легализация идеологии как средства легитимизации ограничений и изъятий сперва в модели персонального потребления, а затем – и корпоративного. Например, «экологизм Греты Тумберг» и введение ограничений на закупки углеводородов и иного сырья по социально-этическим, а против России и ряда других стран – и по политическим мотивам, используя различные по своей мотивации системы санкций, являются явлениями одного порядка.

Мы сталкивались с процессом деэкономизации экономического развития, как ни странно, это звучит. Но потенциал для такого разворота экономической модели постглобального постмодерна был заложен внутри самой системы в качестве встроенного механизма ограничения экономической эффективности государств не финансово-инвестиционной «метрополии».

Четвертое. Размывание слоя носителей ценности глобализации. Изначально в качестве «ядра» такового мыслился «яппи-интернационал» [4]: он, будучи выразителем, но не носителем интересов крупной финансовой олигархии («глобальных инвесторов»), представителем из «сервисного круга», в принципе мог рассматриваться в качестве авангардной социальной группы неограниченной постпространственной глобализации, имея специфическую модель потребления, используя специфические модели коммуникаций и даже язык. Не хватало лишь привнесения некоей идеологии, но этот аспект находился в процессе апробации.

Социально-политический эффект заключался в разрушении модели «представительной демократии через политические партии». Единственные политические структуры, которые могут рассматриваться в качестве носителей ценностей глобализации, – т. н. зеленые партии. В этих партиях в наиболее откровенной форме было реализовано радикально-идеологическое наполнение, причем в формате эксплицитной деэкономизации через построение экономических систем на базе внеэкономического принуждения. «Зеленые» при всей встроенности в глобалистскую повестку вряд ли могли выступать в качестве формата организации социально-политической активности яппи-интернационала. Скорее, это характерно для «прекариата» и «креативного класса».

Нюансы здесь оказались существенно более глубокими и выходили за рамки только социально-политических вопросов.

Оказалось невозможным поддерживать политические партии как феномен, существующий только в информационном пространстве. Многоликость человека, для развития которой цифровые информационные технологии дали практически неограниченные возможности, создавала условия для полной ситуативности в политической деятельности, если она ограничивалась только сферой коммуникаций. Отдельный человек получил широкие, почти неограниченные возможности вовлечения в социальную и политическую деятельность, соучастия в ней, но также получил возможность менять свою политическую аффилированность почти моментально в зависимости от настроения. Для формирования же устойчивых социально-политических структур критически важной оказалась «очность» манифестации своей социально-политической позиции.

Произошла утрата важнейшего элемента классической демократии – относительной устойчивости социальных и социально-политических институтов.

Но проблема многоликости человека постмодерна напрямую сравнивалась с проблемой «идентичностей», создавая эффект противопоставления идентичностей в пространстве реальной социальности, также способной быть множественной [9], и идентичностей в информационном пространстве, предполагающем и даже в чем-то навязывающем эту множественность. Тема трансформации понятия «идентичность» является определяющей для понимания перспективной модели социального поведения, поскольку даже при «предельных» сценариях развития процессов регионализации информационное общество и связанные с ним модели социальной реализации/самореализации индивида сохранят свою глобальную дееспособность.

Пятое. Нарастание мистицизма в социальном «мейнстриме», что только частично может быть объяснено как реакция замещения классических религий в постхристианском мире Запада¹. В какой-то мере это было реакцией на концепт «плоского мира» [27]. Характерно, что в мире поздней глобализации получили широкое распространение социальные и социокультурные антиутопии, а также антиутопии, закамуфлированные под техноутопии. Этот процесс, затронувший также и Россию (например, по принципу сосуществования двух миров, пересекающихся в конкретных людях, построены миры Сергея Лукьяненко), во многом основан на концепте «инога мира», что является отражением внутреннего страха общества, включая его социально активную часть перед непознаваемым, как выяснилось, пространством постмодерна в его постиндустриальном изводе. В какой-то мере мы имели дело не столько с мистицизмом как таковым, сколько с «анти-технооптимизмом», который выполнял роль инструмента достройки социального пространства вокруг человека, лишённого системы социальных связей.

Этот аспект, как считают западные социальные философы, является побочным эффектом развития процессов глобализации и социальной атомизации [25, с. 40-45], сформировавших ситуацию принципиальной непознаваемости мира через систему социальных связей, что считалось естественным в мире модерна [2, с. 85]. Для поддержания целостности системы постиндустриального постмодерна оказалось недостаточно просто социокультурной унификации. Но если посмотреть глубже, то заметно, что человеку постиндустриального постмодерна постоянно напоминали, что мир, где он живет, конечен и обвал социального благополучия может случиться в любой момент.

Социально-политические последствия этого аспекта развития социальности были поначалу не слишком заметны: политический эскапизм порождал эскапизм социальный. Феномены «хронической усталости» и дауншифтинга отражали не только и не столько уровень социально обусловленного стресса, превосходившего возможности человеческого организма, но и социально-экономическую реальность постиндустриального постмодерна, как она осмысливалась на социально-философском уровне [21, с.139-144]. Но в стратегической перспективе *происходило ускоренное «производство» постиндустриальными обществами системно лишних, но формально не безработных*

¹ Определяющим фактором стало восприятие актуального мира как заведомо непознаваемого, многослойного, особенно в социальном плане, феномена. В подобном мире религия заменяется суррогатами, а секулярный дискурс, не возвращаясь к религии, – социально мотивированными суевериями, а на практике зачастую – мракобесием. [19].

людей, предназначенных для «социальной стерилизации». А главным инструментом подобной «стерилизации» должно было стать лишение «социально лишних людей» права и возможности устанавливать устойчивые социальные связи и формировать на их базе социально-политические системы. На фоне ослабления в странах постиндустриального постмодерна социально-политических «страховочных» институтов (имитационной демократии) это привело к попытке сокращения пространства публичной демократии.

Вместо заключения: подведение промежуточные итоги

Главная констатация применительно к развертывающимся глобальным трансформациям сводится к следующему.

«Постиндустриальной пустотой» стало невозможно управлять, поскольку она перестала быть пустотой. Она стала наполняться институтами и акторами, которые не могли не действовать в реальном политическом пространстве. Во многом постиндустриальный постмодерн ввел в состояние экономического кризиса именно феномен социо-коммуникационной гибридности, ставший продуктом развития технологий, но изменивший социальную структуру общества, институционализировавший запрос «на очную социальность».

Сделаем и другую вытекающую из первой констатацию.

Экономические трансформации при всей их сложности и неоднозначности являются лишь «запалом» для куда более мощного кризиса социальной составляющей глобализации. И если экономическая составляющая кризиса больше всего может ударить по «центрам глобализации» – глобальным городам, странам зрелого постиндустриализма, то кризис социальности будет всеобщим. В его ходе могут существенно пострадать и развивающиеся страны, где постиндустриализма не было вообще, а постмодерн находился в «анклавном» состоянии, будучи искусственно «импортирован» через транснациональные социальные структуры и социальные системы. Хотя зачастую такие «анклавы» не просто «отделены», но и прямо противостоят большей части обществ соответствующих стран (такое положение дел характерно и для России, где очевидно противостояние между условными «Жан Жаком» и «Уралмашзаводом», и для значительной части индустриальных стран Азии, и тем более для Африки), они определяют социальный мейнстрим и нормы потребления. А главное, такие «социальные анклавы», действующие в рамках модели социо-коммуникационной гибридности, оказывают диспропорциональное влияние на социально-политические и медийные процессы. Таким образом, **глобальные трансформации будут неизбежно иметь**

очевидное социально-политическое, а не только социальное выражение.

Выскажем несколько принципиальных предположений для дальнейшего анализа.

Первое. Важнейшей проблемой остается невозможность удержания существующей социальной структуры развитых обществ и, соответственно, социальной стабильности, в особенности в тех случаях, когда «страновые» социальные сегменты были «отзеркалены» с глобальной социально-экономической архитектуры. Возникают многочисленные вызовы, связанные с распадом социального мейнстрима (одним из проявлений которого является глобальный кризис т. н. креативного класса, вытекающий из кризиса пространства его жизнедеятельности и обитания, критически связанного с глобализацией [22]). Встает и проблема локализации и пересборки «осколков», в том числе в социально-политической сфере.

Второе. Пространство реализации социальности будет иметь нарастающее значение. Актуальная социально-экономическая «география» начала преодолевать постпространственность постиндустриального постмодерна еще в тот момент, когда он был мейнстримом как минимум социального развития. В условиях явного ослабления целостности социальной модели развития встает вопрос о роли конкретных пространств в формировании локализованных моделей социального развития.

Третье. На текущий момент (весна 2023 года) сохраняется баланс между социальными слоями, заинтересованными в сохранении социально-экономической «пустоты» (поскольку размыт экономический фундамент для формирования устойчивых социальных групп), и менее многочисленными интересантами, зачастую неосознанными, инстинктивными, в пользу глубокого изменения подходов к социальному развитию. Этот баланс постепенно сдвигается в пользу сторонников разрушения глобальной социальной универсальности, что отражается во всё более тоталитарных методах социального управления на коллективном Западе.

Возникает вопрос: **насколько внутри пространства, погружающегося в системный кризис и институциональную деструкцию постиндустриального постмодерна, в принципе возможно возвращение авангардного социально-политического класса, представляющего перспективные экономические интересы и отношения или даже просто используемого носителями таких отношений? И если возможно, то что это может быть за группа?**

Библиография / References:

1. Аватков В. Контуры нового миропорядка и рост агрессивности Запада // Свободная мысль. – 2022. - № 4. - С. 21–26.
2. Афанасьев В.Г. Человек: общество, управление, информация. Опыт системного подхода. - М.: Книжный дом «Либроком», 2013. – 202 с.
3. Афанасьев В.Г. Системность и общество. Изд. 2е, - М.: ЛЕНАНД, 2018. - 368 с.
4. Бергер П.Л. Введение. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. Под ред. Питера Л. Бергера и Сэмюэля П. Хантингтона. Пер. с англ. – М.: Аспект Пресс, 2004. - 379 с.
5. Бодрияр Ж. Символический обмен и смерть. Пер. с франц. – М.: РИПОЛ классик, 2021. – 387 с.
6. Вайс Х. Мы никогда не были средним классом. Как социальная мобильность вводит нас в заблуждение. Пер. с англ. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. - 200 с.
7. Евстафьев Д.Г., Новый мировой порядок: потребность в «чистом листе» и геοэкономические реалии сегодняшнего дня // Международная жизнь. - 2022. - №4. - С. 38–49.
8. Ергин Д. Новая карта мира: энергетические ресурсы, меняющийся климат и столкновение наций. Пер. с англ. – М.: Интеллектуальная литература, 2021. - 444 с.
9. Жить в двух мирах»: переосмысливая транснационализм и транслокальность/ Сборник статей под ред. О. Бредниковой и С. Абашина – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 520 с.
10. Кляйн Н. No Logo. Люди против брендов. Пер. с англ. – М.: Добрая книга, 2008. - 624 с.
11. Крастев И., Холмс С. Свет, обманувший надежды. Почему Запад проигрывает борьбу за демократию. Пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2020. - 354 с.
12. Майр П. Управляя пустотой. Размывание западной демократии. Пер. с англ. – М.: Издательство Института Гайдара, 2019. - 216 с.
13. Рейбрук, Давид Ван Против выборов. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. - 200 с.
14. Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Отв. ред.: Малинова О.Ю. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М., 2012. – 334 с.

15. Слука Н.А. Геодемографические феномены глобальных городов. М.– Смоленск: Ойкумена, 2009. – 317 с.
 16. Спенс М. Следующая конвергенция: будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях. Пер. с англ. – М.: Издательство Института Гайдара, 2013. - 336 с.
 17. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. Пер. с англ. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. - 328 с.
 18. Терборн Й. Города власти. Город, нация, народ, глобальность. Пер. с англ. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. - 472 с
 19. Узланер Д. Постсекулярный разворот. Как мыслить о религии в XXI веке. М.: Издательство Института Гайдара, 2020. – 416 с.
 20. Урри Дж. Мобильности. Пер. с англ. – М.: Издательская группа «Праксис», 2012. - 576 с.
 21. Урри Дж. Как выглядит будущее. Пер. с англ. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 320 с.
 22. Флорида Р. Новый кризис городов: Джентрификация, дорогая недвижимость, растущее неравенство и что нам с этим делать. - М., Издательская группа «Точка», 2018. - 360 с.
 23. Фукуяма Ф. Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия. Пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2019. - 256 с.
 24. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. Издание второе стереотипное. Пер. с нем. – СПб.: «Наука», 2008. - 417 с.
 25. Хикс С. Объясняя постмодернизм. Пер. с англ. – М.: РИПОЛ классик, 2022. 320 с.
 26. Шваб К., Дэвис Н. Технологии четвертой промышленной революции. Пер. с англ. – М.: Эксмо, 2019. - 320 с.
 27. Friedman T. The world is Flat. – NY: Farrar, Straus and Giroux, 2005. - 488 p.
-
1. Avatkov, V. (2022) Kontury novogo miroporiadka i rost agressivnosti Zapada [Outlines of the new world order and the rise of western aggression] // Svobodnaia mysl' [Free thought]. - № 4. - P. 21 – 26. (in Russ.)
 2. Afanas'ev, V.G. (2013) Chelovek: obshchestvo, upravlenie, informatsiia. Opyt sistemnogo podkhoda [Human: society, management, information. The experience of a systematic approach.]. - М.: Knizhnyi dom «Librokom». – 202 p. (in Russ.)
 3. Afanas'ev, V.G. (2018) Sistemnost' i obshchestvo [Consistency and society]. Izd. 2, - М.: LENAND. - 368 p. (in Russ.)

4. Berger, P.L. (2004) Vvedenie. Kul'turnaia dinamika globalizatsii [Cultural dynamics of globalization] // Mnogolikaia globalizatsiia. Kul'turnoe raznoobrazie v sovremennom mire [Many Globalizations Cultural diversity in the contemporary world]. Pod red. Pitera L. Bergera i Semiuelia P. Khan-tingtona. Per. s angl. – M.: Aspekt Press. - 379 p. (in Russ.)
5. Bodriar Zh. (2021) Simvolicheskii obmen i smert' [Symbolic exchange and death]. Per. s frants. – M.: RIPOL klassik. – 387 p. (in Russ.)
6. Vais, Kh. (2021) My nikogda ne byli srednim klassom. Kak sotsial'naia mobil'nost' vvodit nas v zabluzhdenie [We have never been middle class: how social mobility misleads us] Per. s angl. – M.: Izdatel'skii dom Vyshei shkoly ekonomiki. - 200 p. (in Russ.)
7. Evstaf'ev, D.G. (2022) Novyi mirovoi poriadok: potrebnost' v «chistom liste» i geoeconomicheskie realii segodniashnego dnia [New world order: the need for a "blank slate" and the geo-economic realities of today] // Mezhdunarodnaia zhizn' [International life]. - №4. - P. 38–49. (in Russ.)
8. Ergin, D. (2021) Novaia karta mira: energeticheskie resursy, me- niaiushchiisia klimat i stolknovenie natsii [The New Map: Energy, Climate, and the Clash of Nations]. Per. s angl. – M.: Intellektual'naia literatura. - 444 p. (in Russ.)
9. Zhit' v dvukh mirakh»: pereosmyslivaia transnatsionalizm i transloka- l'nost' (2021) [Living in two worlds”: rethinking transnationalism and trans- locality] / Sbornik statei pod red. O. Brednikovoi i S. Abashina – M.: Novoe literaturnoe obozrenie. – 520 p. (in Russ.)
10. Kliain, N. (2008) No Logo. Liudi protiv brendov [No Logo. People versus brands]. Per. s angl. – M.: Dobraia kniga. - 624 p. (in Russ.)
11. Krastev, I., Kholms, S. (2020) Svet, obmanuvshii nadezhdy. Pochemu Zapad proigryvaet bor'bu za demokratiiu [The Light That Failed: Why the West Is Losing the Fight for Democracy]. Per. s angl. – M.: Al'pina Pablisher. 354 p. (in Russ.)
12. Mair, P. (2019) Upravliaia pustotoi. Razmyvanie zapadnoi demo- kratii [Ruling the Void. The Hollowing of Western Democracy]. Per. s angl. – M.: Izdatel'stvo Instituta Gaidara. - 216 p. (in Russ.)
13. Reibruk, David Van (2018) Protiv vyborov [Against elections]. – M.: Ad Marginem Press. - 200 p. (in Russ.)
14. Simvolicheskaiia politika: Sb. nauch. tr. (2012) [Symbolic politics] / RAN. INION. Tsentr sotsial. nauch.-inform. issled. Otd. polit. nauki; Otv. red.: Malinova O.Iu. – Vyp. 1: Konstruirovaniie predstavlenii o proshlom kak vlast- nyi resurs. – M. – 334 p. (in Russ.) Sluka, N.A. (2009) Geodemograficheskie fenomeny global'nykh gorodov [Geodemographic phenomena of global cit- ies]. M.– Smolensk: Oikumena. – 317 p. (in Russ.)

15. Spens, M. (2013) Sleduiushchaia konvergentsiia: budushchee ekonomicheskogo rosta v mire, zhivushchem na raznykh skorostiakh [The Next Convergence: The Future of Economic Growth in a Multispeed World]. Per. s angl. – M.: Izdatel'stvo Instituta Gaidara. - 336 p. (in Russ.)
16. Standing, G. (2014) Prekariat: novyi opasnyi klass [Precariat: a new dangerous class]. Per. s angl. – M.: Ad Marginem Press. - 328 p. (in Russ.)
17. Terborn, I. (2019) Goroda vlasti. Gorod, natsiia, narod, global'nost' [Cities of Power. The Urban, the National, the Popular, the Global]. Per. s angl. – M.: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. - 472 p. (in Russ.)
18. Uzlaner, D. (2020) Postsekuliarnyi razvorot. Kak myslit' o religii v XXI veke [Post-secular turn. How to think about religion in the 21st century]. M.: Izdatel'stvo Instituta Gaidara. – 416 p. (in Russ.)
19. Urri, Dzh. (2012) Mobil'nosti [Mobilities]. Per. s angl. – M.: Izdatel'skaia gruppa «Praksis». - 576 p. (in Russ.)
20. Urri, Dzh. (2018) Kak vygliadit budushchee [What is the Future?]. Per. s angl. – M.: Izdatel'skii dom «Delo» RANKhiGS. 320 p. (in Russ.)
21. Florida, R. (2018) Novyi krizis gorodov: Dzhentifikatsiia, dorogaia nedvizhimost', rastushchee neravenstvo i chto nam s etim delat' [The New Urban Crisis: Gentrification, Housing Bubbles, Growing Inequality, and What We Can Do About It]. - M., Izdatel'skaia gruppa «Tochka». - 360 p. (in Russ.)
22. Fukuiama, F. (2019) Identichnost': stremlenie k priznaniu i politika nepriiatiia [Identity. The Demand for dignity and the politics of resentment]. Per. s angl. – M.: Al'pina Publisher. - 256 p. (in Russ.)
23. Khabermas, Iu. (2008) Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoi teorii. Izdanie vtoroe stereotipnoe [The Inclusion of the Other. Essays on political theory. The second stereotypical edition]. Per. s nem. – SPb.: «Nauka». - 417 p. (in Russ.)
24. Khiks, S. (2022) Ob"iasniaia postmodernism [Explaining Postmodernism]. Per. s angl. – M.: RIPOL klassik. 320 p. (in Russ.)
25. Shvab, K., Devis, N. (2019) Tekhnologii chetvertoi promyshlennoi revoliutsii [Shaping the Fourth Industrial Revolution]. Per. s angl. – M.: Eksmo. - 320 p. (in Russ.)
26. Friedman T. The world is Flat. – NY: Farrar, Straus and Giroux, 2005. - 488 p.